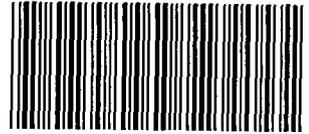

На правах рукописи

4840712

Кузнецова Екатерина Станиславна

Проблема ограничения суверенитета в мировой политике

Специальность 23.00.04 – Политические проблемы
международных отношений, глобального и регионального развития

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

17 МАР 2011

Москва – 2011

Работа выполнена в Отделе исследований европейской интеграции
Института Европы Российской Академии Наук

Научный руководитель

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Института Европы РАН
Караганов Сергей Александрович

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук,
профессор Давидсон Аполлон Борисович

доктор политических наук,
профессор Бусыгина Ирина Марковна

Ведущая организация

Институт мировой экономики и
международных отношений РАН

Защита состоится «16» марта 2011 года в 15 ч. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д-002.031.02 в Институте Европы РАН по адресу: гор. Москва, ул. Моховая, 11-3 «В».

С диссертацией можно ознакомиться в Библиотеке Института Европы РАН.

Автореферат разослан «16» февраля 2011 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

Водопьянова Е. В.

I. Общая характеристика работы

Актуальность исследования

Понятие суверенитета родилось одновременно с национальным государством в XVI-м веке¹ и спустя столетие концепция суверенитета заняла центральное место в философии международных отношений, став своего рода ориентиром в практической политике европейских держав. Вследствие сначала вестернизации мира, а затем освобождения покоренных народов от колониальной зависимости, европейская система межгосударственных отношений распространилась на весь мир – а вместе с ней и принцип суверенитета.

Вторая половина XX века, ставшая эпохой быстрых перемен в глобализующемся мире, казалось бы, лишь укрепила значимость суверенитета. С одной стороны, этому способствовала «холодная война», в ходе которой каждая из соперничающих сверхдержав пыталась консолидировать свою сферу влияния, что могло быть реализовано только в рамках системы государств. С другой стороны, суверенитет как принцип международных отношений упрочился в ходе деколонизации, выведшей на международную арену широкую группу стран, ставших равноправными участниками международных отношений и получивших гарантии невмешательства в их внутренние дела. Именно в этот отрезок истории был принят целый ряд документов и резолюций, провозглашающих нерушимость суверенитета и суверенное равенство всех государств. Однако сейчас, на рубеже столетий, оказывается, что суверенитет не столь незыблем и неприкосновенен, как это следует из совокупности международных документов.

Характерно, что перемены в понимании суверенитета и отношении к нему во многом спровоцированы продолжением вышеуказанных процессов (а точнее, сменой их направления на противоположное). «Холодная война» завершилась, оставив вместо «одного Запада и двух Европ» «два Запада и одну Европу»², которая с удивительной скоростью начала интегрироваться на основе добровольной передачи суверенных

¹ Впервые четкое определение суверенитета как «абсолютной непрерывной власти государства» дал в своем трактате «Шесть книг о республике» (1576) французский юрист и богослов Жан Боден (см.: Bodin, Jean. *The Six Books of the Commonwealth*, Bk. 1, Ch. 8, цит. по: Bodin, Jean. *On Sovereignty* (ed. By Julian H. Franklin), Cambridge: Cambridge University Press, 1992, p. 1); это определение стало классическим.

² См. Moïsi, Dominique. "Reinventing the West" // *Foreign Affairs*, Vol. 82, No. 6, 2003, November/December.

полномочий в пользу наднациональных субъектов. Относительно успешное развитие постколониальных стран замедлилось, причем настолько, что ряд авторов поспешили назвать их «неразвивающимся миром»³; на фоне этого во многих частях глобальной периферии вспыхнули гражданские войны, распространились геноцид и этнические чистки. Примечательно, но Маастрихтский договор, закрепивший создание Европейского Союза, и знаменитый доклад «Responsibility to Protect»⁴ разделяют всего девять лет.

В результате ограничение суверенитета, ранее казавшееся чем-то исключительным, стало устойчивым феноменом. Отмечая это обстоятельство, Р.Купер в 2003 году прямо противопоставил государства, не приемлющие данный тренд и стремящиеся к сохранению своего суверенитета в неизменном виде, европейским странам как «государства эпохи модернити» государствам постмодернистским⁵.

Период, начатый окончанием «холодной войны» и характеризовавшийся смелыми экспериментами в международных отношениях, завершился в 2000-е годы, ознаменованные «войной с террором», спадом «третьей волны» демократизации и упрочением доказавших свою сравнительную экономическую эффективность авторитарных режимов. На этом фоне идет «десуверенизация», то есть добровольного или принудительного ограничения суверенных полномочий, натолкнувшись на серьезную оппозицию со стороны ряда влиятельных держав – прежде всего США, Китая, Индии и России. Обусловленная разными причинами («войной с террором» в Соединенных Штатах, интенсивным экономическим развитием – в Китае, созданием ядерного оружия и эскалацией межгосударственного конфликта – в Индии и Пакистане, ожиданием «вставания с колен» – в России), тенденция к утверждению особой роли суверенитета выразилась в создании новых геополитических доктрин и стратегий, объединенных стремлением к проведению свободной от оков международных обязательств внутренней и внешней политики. Академик А.А.Кокорин видит подтверждения этой тенденции в отказе администрации Дж.Буша-мл. от ограничения суверенитета США в важнейших для всего международного

³ См., напр.: Rivero, Oswaldo de. *The Myth of Development. The Non-Viable Economies of the 21st Century*, London, New York: Zed Books, 2001, pp. 67, 70.

⁴ См.: *The Responsibility to Protect: The Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty*, New York: International Development Research Centre Publications, 2001.

⁵ См.: Cooper, Robert. *The Breaking of Nations: Order and Chaos in the Twenty-First Century*, London: Atlantic Books, 2003.

сообщества вопросах – подписании Кнотского протокола, выходе из Договора об ограничении систем противоракетной обороны 1972 года и субсидировании сельского хозяйства; в жесткой позиции КНР по обеспечению своего суверенитета над Тайванем и развитию оборонной промышленности, в появлении у Индии весной 1998 года собственного ядерного оружия, наконец, в стремлении России поддержать «справедливую» цену на нефть и газ⁶. Возникновение новых транснациональных угроз, таких как международный терроризм, распространение ядерного оружия, и опасность конвергенции этих угроз (ядерный терроризм) в немалой степени способствовали валоризации способности государства осуществлять самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. Необходимость реагировать на новые угрозы поставила под сомнение одну из самых перспективных идей прошлого десятилетия – идею глобального управления (global governance), которое в общем виде можно определить как мирное коллективное регулирование международных отношений⁷. Как отмечает американский политолог Дж.Рабкин, «суверенитет стал считаться намного более естественным по мере осознания того, что угрозы терроризма и экспортирующих терроризм стран пережили “демократическую волну” 1990-х годов»⁸.

В то же время попытки представить суверенитет неотъемлемым инструментом обеспечения национальной безопасности уводят внимание от того, что многие из стоящих перед международным сообществом проблем и вызовов порождены издержками «реального суверенитета»⁹. Трудно отрицать, что акты террора 11 сентября 2001 года, послужившие толчком для пересмотра концепции национальной безопасности и внешнеполитической стратегии США, были вызваны многолетней неосмотрительной и предвзятой политикой страны на Ближнем Востоке. Как отмечает бывший руководитель отдела ЦРУ по отслеживанию деятельности Усамы бин Ладена М.Шойер, действия террористов были ответом на бездумную поддержку американцами Израиля, размещение войск в священных для мусульман местах и союзнические отношения с королевским домом Саудов¹⁰. Стремление Индии стать

⁶ Кокошин, Андрей. *Реальный суверенитет в современной мирополитической системе*, М.: Европа, 2006, сс. 32-33, 35-36, 45.

⁷ См.: Ikenberry, G. John. “Liberal Order Building” in: Leffler, Melvyn and Legro, Jeffrey (eds.) *To Lead the World: American Strategy After the Bush Doctrine*, Oxford: Oxford University Press, 2008, pp. 96-97.

⁸ Rabkin, Jeremy A. *Law Without Nations. Why Constitutional Government Requires Sovereign States*, Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2005, p. 20.

⁹ Термин «реальный суверенитет» был предложен академиком А. Кокошиным в работе: *Реальный суверенитет в современной мирополитической системе*, М.: Европа, 2006.

¹⁰ См.: Scheuer, Michael. *Marching Towards Hell. America and Islam after Iraq*, New York: Free Press, 2008, pp. 26-32.

ядерной державой объясняется нежеланием сторон в индийско-пакистанском конфликте выработать механизмы реализации совместного суверенитета над спорными территориями и углублять двусторонние экономические и политические связи в рамках региональных объединений. В свою очередь Китай, проводящий политику насильственной ассимиляции в Тибете и Синьцзян-Уйгурском автономном районе, сопровождающуюся нарушением прав человека и этнических меньшинств, видит в государственном суверенитете эффективную защиту от претензий извне. Российское руководство, лелеющее надежды на возрождение былого величия и возвращение статуса сверхдержавы, рассматривает государственный суверенитет как средство защиты от критики ее внутренней политики, а также как инструмент ограждения российского нефтегазового сектора от международной конкуренции и гарантирования монопольно высоких цен на углеводороды и продукты их переработки в условиях снижающейся эффективности собственного производства.

В то же время распространение «несостоявшихся» или «деградировавших» государств (failed states), признанное Организацией Объединенных Наций одним из наиболее острых вызовов глобальной и региональной безопасности, продемонстрировало неспособность ряда правительств эффективно и во благо общества распоряжаться государственным суверенитетом. По мнению некоторых западных авторов, «конец “холодной войны” поспособствовал тому, что эти элементы хаоса стали восприниматься именно так, как и следовало бы – как подтверждения неспособности многих стран развивающегося мира эффективно управлять собственной территорией и отвечать на растущие политические и социально-экономические требования»¹¹. Ряд отечественных авторов призвали даже к восстановлению международных институтов, которые могли бы осуществлять контроль за такими неуправляемыми территориями¹².

Таким образом, современная мирополитическая система характеризуется противоборством двух разнонаправленных тенденций – к укреплению суверенитета, с одной стороны, и к его ограничению, с другой при том, что иногда эти тенденции воплощаются в политике одного государства (укрепление собственного суверенитета соседствует с ограничением суверенитета других государств). Это противоборство

¹¹ Barak, Oren. "Lebanon: Failure, Collapse, and Resuscitation" in: Rotberg, Robert (ed.) *State Failure and State Weakness in a Time of Terror*, Cambridge (MA): World Peace Foundation, 2003, p. 307.

¹² См., напр.: Inozemtsev, Vladislav and Karaganov, Sergei A. "Imperialism of the Fittest" in: *The National Interest*, No. 80, Summer 2005, pp. 74-80.

происходит на фоне снижающейся эффективности Организации Объединенных Наций, в Уставе которой зафиксировано, что суверенитет государства не может быть ограничен, но реальное ограничение суверенитета вследствие односторонних действий, нарушающих международную процедуру вмешательства во внутренние дела других стран, остается практикой.

Под практикой ограничения суверенитета в работе понимаются два разных процесса – добровольной передачи суверенных полномочий в пользу наднациональных субъектов (что можно видеть на примере Европейского Союза) и внешнее принуждение к соблюдению широкого спектра международных обязательств или обеспечению прав человека (что имеет место при операциях, предпринятых одними государствами в других в целях пресечения деятельности террористических группировок или предотвращения гуманитарных катастроф). При этом в первом случае признаком ограничения суверенитета выступает наличие таких надгосударственных органов, которые обладают контролем и механизмами принуждения к исполнению решений, а во втором – только такое вмешательство, которое осуществляется в обход или с пренебрежением легитимных процедур разрешения споров. Эти процессы имеют различную природу, но в обоих случаях речь идет об ограничении суверенитета, то есть о сужении суверенных полномочий государства в рамках его национальных границ. Между этими «полюсами» существует целый спектр международных механизмов, влияющих на способность распоряжаться суверенитетом, – санкции, эмбарго, блокады, запреты на передвижение. Они схожи по форме, но различаются по мотивам, целям и методам.

Объектом диссертационного исследования являются процессы трансформации суверенитета, как основополагающего принципа политической самоорганизации общества, лежащего в основе системы международных отношений.

Предметом диссертационного исследования выступает практика ограничения суверенитета, в результате которой национальное государство утрачивает самостоятельность в проведении политического курса и ограничивается в своих политических, экономических и иных полномочиях, и оценка последствий этого ограничения для международной системы. Однако, следует оговориться, что, рассматривая в данной работе практику ограничения суверенитета, мы не затрагиваем случаев частичной или полной утраты суверенитета в результате агрессии со стороны

другого государства или как следствие добровольного участия того или иного государства в международных договорах.

Цель работы состоит в проведении комплексного исследования практики ограничения суверенитета (как добровольного, так и принудительного) и выявлении соотношения этой практики с нормативно-правовым основанием принципа государственного суверенитета в том виде, в котором он утвердился в международном праве и международных отношениях.

Вышеобозначенная цель обуславливает актуальность следующих теоретических задач:

- оценки понятия «ограниченный суверенитет» и классификации его видов и форм;
- изучения форм и методов добровольного ограничения суверенитета в ходе реализации интеграционных проектов на региональном уровне;
- классификации случаев принудительного ограничения суверенитета по критерию природы конфликтов, приведших к токому ограничению
- анализа сдвиги в глобальном политическом дискурсе, ведущие в распространению представления о допустимости вмешательства во внутренние дела государства
- оценки степень эффективности существующего глобального режима обеспечения безопасности и выявить причины его неспособности реагировать на новые угрозы
- установления ряда направлений реформирования и совершенствования существующей системы реагирования на злоупотребление суверенитетом со стороны отдельных национальных государств.

Хронологические рамки проводимого исследования имеют двойной контур: для изучения практики добровольного ограничения суверенитета временные рамки установлены с 1951 по 2010 году, для анализа случаев принудительного ограничения суверенитета выбран период с 1990 по 2009 годы. В первом случае выбор временного спектра (с начала европейской интеграции по настоящее время) обусловлен, во-первых, реалистичностью задачи рассмотрения феномена европейской интеграции с точки зрения ограничения суверенитета, который до недавнего времени оставался единичным, во-вторых, эволюционным, кумулятивным эффектом ограничения суверенитета, «накапливающим» с течением времени различные элементы

(политические, правовые, институциональные) ограничения суверенитета. инструментарий ограничения суверенитета. Во втором случае выбор хронологических рамок объясняется тем, что окончание «холодной войны» положило конец конфронтации, которая во многом мешала реализации того идеализированного видения мирового порядка, которое было зафиксировано в Уставе ООН – главной ценностно-нормативной и политико-правовой матрице международных отношений. В годы «холодной войны» право вето превратилось в важный инструмент борьбы идеологических противников; как отмечает Т.Франк, директор Центра международных исследований Школы права Нью-Йоркского университета, «начало “холодной войны”, [] с его применением вето, свело на нет возможности Совета Безопасности гарантировать коллективную безопасность в соответствии со статьями 42 и 43 Устава ООН»¹³. По его мнению, данное обстоятельство в сочетании с рядом других (возрастающим применением косвенной агрессии через поддержку повстанцев, революцией в производстве оружия, ростом обеспокоенности состоянием прав и свобод человека в других странах) привело к тому, что члены ООН в начале 1990-х годов отказались от буквальной интерпретации Устава ООН в пользу контекстного его применения в соответствии с меняющимися обстоятельствами и социальными ценностями¹⁴. Изучение случаев ограничения суверенитета в 1991-2009 гг. позволяет проследить, каким образом меняются представления о границах суверенитета и нарисовать исчерпывающую палитру аргументов, используемых государствами для его обоснования¹⁵.

Терминологическая база работы

В данной работе суверенитет трактуется как фундаментальная характеристика национального государства, воплощенная в совокупности правовых норм, регламентирующих отношения между обществом и властью, а также закрепляющих его исключительные политические и силовые полномочия в границах определенной территории и неподотчетность любым другим структурам власти.

¹³ Franck, Thomas M. *Recourse to Force. State Action Against Threats and Armed Attacks*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002, p. 3.

¹⁴ *Ibidem*, p. 21.

¹⁵ Случаи ограничения суверенитета во время «холодной войны» немногочисленны, но они имели место: коллективная интервенция в Корею в 1950-53 годах, случаи применения процедуры «Uniting for Peace».

Концепция суверенитета сохранилась до наших дней практически в неизменном виде, и вплоть до недавнего времени ее легитимность никак не оспаривалась¹⁶. Контроль над территорией остается одним из главных атрибутов государственности и суверенитета. Суверенитет до сих пор чаще всего трактуется как «верховная абсолютная и непрерывная власть над гражданами и подданными, наивысшее право распоряжаться»¹⁷, высшая власть в границах определенной территории¹⁸ (Д.Филпотт) или принцип, воплощающий идею равенства государств¹⁹ (М. Байерс).

Суверенитет государства складывается из нескольких базовых характеристик, среди которых следует отметить три наиболее важных: отсутствие внешнего, находящегося вне компетенции государства органа власти, обладающего законодательными или контролирующими полномочиями в отношении данного государства; способность государства осуществлять правовой и силовой контроль над территорией, не допуская возникновения конкурирующих структур, претендующих на отправление суверенных полномочий; и, наконец, иммунитет от нелегитимного, то есть предпринимаемого в обход международного права, вмешательства других международных акторов во внутренние дела государства.

В данной работе мы разделяем естественный процесс эволюции концепции суверенитета, сопровождавшийся уточнением отдельных ее положений в ходе развития и усложнения системы международного права, и ограничение суверенитета, имеющего место вследствие целенаправленной политики отдельных государств, руководствующихся сложным комплексом причин рационального и ценностного характера. Мы исходим из того, что принцип невмешательства, несмотря на исторические исключения, – вмешательство европейских держав в дела неевропейских государств в XIX столетии, доктрина «экспорта революций» первой половины прошлого века, «доктрина Брежнев» 1970-х годов, – неизменно подтверждался в качестве основополагающего принципа отношений между государствами. С созданием Организации Объединенных Наций он обрел прочный фундамент, подтвержденный

¹⁶ *Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ* (отв. ред. А.А. Козошкин, А.Д. Богатуров), М.: КомКнига, 2005, с. 14.

¹⁷ Bodin, Jean. *The Six Books of the Commonwealth*, Bk. 1, Ch. 8, цит. по: Bodin, Jean. *On Sovereignty* (ed. by Julian H. Franklin), Cambridge: Cambridge University Press, 1992, p. 1.

¹⁸ Подробнее см.: Philpott, Daniel. *Revolutions in Sovereignty: How Ideas Shaped Modern International Relations*, Princeton (NJ), Oxford: Princeton University Press, 2001.

¹⁹ Подробнее см.: Byers, Michael. *Custom, Power and the Power of Rules: International Relations and Customary International Law*, Cambridge: Cambridge University Press, 2001 и Byers, Michael. *War Law: International Law and Armed Conflict*, London: Atlantic Books, 2005.

Декларацией о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета от 1965 года.

Однако в последние десятилетия смысловое наполнение суверенитета постепенно меняется, порождая кризис в трактовке и понимании принципа суверенности.

Под кризисом суверенитета мы понимаем такую ситуацию, при которой расхождение между основополагающими принципами международных отношений, ориентированными на защиту государственного суверенитета от внешнего вмешательства, и практикой ограничения суверенитета (как добровольного, так и принудительного) создает угрозу легитимности существующего миропорядка, не способного защитить государство от вмешательства в его внутренние дела, и одновременно способствует углублению раскола между миром «постмодернистских» государств, которые смогли обеспечить экономическое процветание и достигнуть беспрецедентного уровня безопасности посредством передачи части суверенных полномочий наднациональным органам власти, и странами периферии, характеризующимися высоким уровнем конфликтности и небезопасности.

Методологическая основа диссертации

Выбор методологической базы для исследования был продиктован широтой поставленных задач. Методологической основой исследования служат основные подходы (или школы) теории международных отношений: неореализм, идеализм (или утопизм), неолиберализм, английская школа, конструктивизм. Анализ ограниченного суверенитета в контексте взглядов представителей этих подходов в теории международных отношений позволяет определить «систему координат», необходимую для систематизации факторов, ограничивающих суверенитет, и уточнения общей терминологической базы ограниченного суверенитета. Каждая из этих школ сформировала собственный подход к суверенитету и приписывает ему такие качества и свойства, которые в наибольшей степени соответствуют ее нормативно-ценностному ядру. Следовательно, иерархия угроз суверенитету крайне специфична для каждой из этих школ и обуславливается методологическими подходами и философией самой школы. Используя массив данных, который будет получен, мы сможем нарисовать почти исчерпывающую палитру основных угроз суверенитету и определить, какие из них на деле ограничивают его и ведут к перерождению его традиционных, классических черт. В конечном итоге это позволит выработать определение ограниченного суверенитета.

Для целей исследования было признано целесообразным использовать методологические приемы С.Краснера, автора многочисленных работ по проблемам суверенитета, и американского политолога Д.Филпотта, продолжателя научных традиций своих учителей – С.Хантингтона и Ф.Закарни, который в работе 2004 года попытался осмыслить место суверенитета в контексте новых тенденций в международных отношениях, обусловленных началом глобальной войны с терроризмом.

Именно С.Краснер для более глубокого анализа перспектив суверенитета предложил проанализировать его в контексте современных школ международных отношений, которые концентрируют в себе основные обобщенные представления о природе общественной жизни и законах ее развития. Д.Филпотт ввел новый термин – «конституционный порядок международного сообщества», для обозначения моделей отношений между народами и государствами. По его мнению, таковой определяет политическую власть и представляет собой «совокупность норм, согласованных государствами, составляющими [международное со]общество, которые определяют субъектов власти и их прерогативы в контексте ответов на три вопроса: Какие государства можно считать легитимными? Каковы правила, позволяющие стать одним из них? И, наконец, каковы основные прерогативы данных государств?»²⁰. В этих вопросах содержатся параметры изменчивости международной системы. Д. Филпотт считает, что смена международного конституционного порядка или, иначе говоря, революция суверенитета (поскольку все конституционные революции со времен Вестфальского мира либо создавали, либо уничтожали суверенное государство)²¹ происходит тогда, когда один из этих параметров меняется. Новый конституционный порядок устанавливает иные требования к входящим в него общностям и стандарты отношений между ними, вводит новые условия их признания на международной арене.

Исчерпывающую палитру явлений, размывающих государственный суверенитет и способных привести к глубоким подвижкам в международной системе, на наш взгляд, можно составить на основе синтеза этих двух методологических приемов, то есть проанализировать понятие суверенитета через призму взглядов различных школ международных отношений таким образом, чтобы выявить его базовые признаки. В то же время для целей данного исследования было бы уместно модифицировать

²⁰ Philpott, Daniel. *Revolutions in Sovereignty*, p. 12.

²¹ См.: Ibid, p. 21.

ключевые параметры, заданные Д. Филпоттом, с тем чтобы, во-первых, выяснить, оспаривается ли суверенитет государства какими-либо иными легитимными политическими общностями или объединениями, во-вторых, определить те международные практики, которые подвергают сомнению универсальность суверенитета как основополагающего принципа международных отношений, и, в-третьих, понять, позволяет ли сформированный десятилетиями инструментальный международных отношений достигать целей, которые были провозглашены и провозглашаются международным сообществом.

Для уточнения избранной методологии необходимо отметить два момента. Во-первых, объектом исследования выступает не сам по себе суверенитет – его место, роль, функции как они видятся каждой из школ международных отношений, – а его эволюция и развитие. Во-вторых, под суверенитетом, подвергающимся ограничению, в данной работе понимается «вестфальский суверенитет». Этот термин был заимствован из классификации суверенитета, предложенной С.Краснером, который выделил четыре формы суверенитета: (1) внутренний суверенитет как принцип организации публичной власти в государстве и контроля над ней со стороны общества; (2) суверенитет взаимозависимости (*interdependence sovereignty*), позволяющий контролировать трансграничные передвижения; (3) международный правовой суверенитет, утверждающий равноправие государств на международной арене; (4) «вестфальский» суверенитет, запрещающий внешним акторам вмешиваться в распределение властных полномочий внутри государства²². Наиболее чувствительному удару сегодня подвергается вестфальская форма суверенитета, которая зиждется на двух «столпах», – территориальности и исключении внешних акторов из внутривнутриполитической системы власти. Аспекты суверенитета, касающиеся модальности отношений между обществом и государством или внутривнутриполитической конкуренции, находятся вне сферы научных интересов соискателя.

Необходимо также отметить, что помимо теоретических задач в диссертации ставится задача проанализировать практику ограничения суверенитета, как добровольного, так и принудительного.

При анализе правового способа ограничения суверенитета (на примере Европейского Союза) методологической основой послужила концепция

²² См. подробнее: Krasner, Stephen G. (ed.) *Problematic Sovereignty*. New York: Columbia University Press, 2001

конституционализма, которая предложила в качестве модели для европейской интеграции не классическую международную организацию, а более политически плотное образование наподобие федеративного государства. Концепция конституционализма первоначально была выдвинута правоведами-«европестами» (в их числе Эрик Стайн), которые стремились построить Европейское Сообщество в классический международный правовой порядок и создать парадигму для анализа решений судебной ветви власти Европейского Сообщества. Однако, когда в 1963 году Суд Европейского Сообщества объявил европейское право, тогда ограниченное по сфере применения, новым правовым порядком (*new legal order*), стало понятно, что деятельность Сообщества регулируется не общими принципами международного публичного права, а специфической межгосударственной правительственной структурой конституционной по сути природы. С развитием правоприменительной практики стало понятно, что классическая парадигма межгосударственного сотрудничества не может объяснить правовую «мутацию» Европейского Сообщества. Таким образом, сегодня стало общепринятым понимание конституционализма как «процесса, в ходе которого договоры ЕС развились из совокупности правовых договоренностей, обязательных для суверенных государств, в вертикально интегрированный правовой режим, наделяющий юридически реализуемыми правами и обязанностями все юридические лица и организации, государственные и негосударственные, в границах применения европейского права»²³.

Наконец, для изучения практики принудительного ограничения суверенитета были использованы методы, применяемые при анализе социальных конфликтов. За основу были приняты структурно-функциональный метод анализа конфликтов и типологизация. В частности, были изучены основные современные классификации межгосударственных конфликтов: по цели интервенции (Марта Финнемор), по характеру угрозы (Марк Вайсбурд)²⁴. Особый интерес для целей данной работы представляла типология, предложенная американским правоведом Томасом Франком и выстроенная на стыке международного права и науки о международных отношениях. Исследователь изучил все случаи применения силы во второй половине XX-го, подвергнув их перекрестному анализу по двум критериям – характеру (форме)

²³ Weiler, Joseph H.H. *The Constitution of Europe*, Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 221.

²⁴ См., например: Finnemore, M. *The Purpose of Intervention. Changing Beliefs about the Use of Force*, Ithaca: Cornell University Press, 2003; Weisburd, A. Mark. *Use of Force. The Practice of States Since World War II*, University Park (PA): The Pennsylvania State University Press, 1997.

вмешательства и правовой оценке, включающей анализ аргументов в пользу применения силы, их рассмотрение в контексте существующих норм международного права. Взяв за основу структурно-функциональный метод и метод типологизации, мы разработали адаптированную к целям нашего исследования собственную трехуровневую матрицу анализа межгосударственных конфликтов, связанных с ограничением суверенитета.

На первом этапе были выделены *прямой* и *косвенный (опосредованный)* способы ограничения суверенитета. Первый предполагает открытое использование военной силы, в то время как второй – отказ от нее, но применение ряда не предусмотренных международным правом методов.

На втором этапе была предпринята попытка составить классификацию типов внутривнутриполитических конфликтов, которые стали основанием для вмешательства во внутренние дела государства и длительного ограничения его суверенитета со стороны других государств или региональных организаций.

Наконец, на третьем этапе, следуя подходу Т.Франка, мы составили пятнчастную схему анализа, которую применили к каждому отдельному случаю ограничения суверенитета.

Степень научной разработанности проблемы

Концепция ограниченного суверенитета начала разрабатываться в политической науке относительно недавно, и по этой причине данную тему невозможно считать глубоко и всесторонне изученной. Для решения вышеозначенных теоретических задач мы опирались как на массив литературы, касающейся проблемы развития и трансформации классического суверенитета, так и на исследования, в той или иной мере непосредственно затрагивающие проблему ограничения суверенных прав. В то же время, второй главной задачей работы выступает анализ практики ограничения суверенитета. По этой причине применения данная работа ставила своей преследует двойную цель: ставилась цель не только

Несомненную важность для любого исследователя суверенитета представляют работы классиков, положивших начало разработке данной концепции (с XVI по XIX век), среди которых следует особо отметить труды Ж.Бодена, Г.Гроция, М.Лютера, Н.Макнавелли, Т.Гоббса, Ж.-Ж.Руссо, Б.Франклина, И.Канта, Дж.Ст.Милля и ряда других мыслителей, а также выдающихся ученых XX столетия, посвятивших свои работы политическим теориям, так или иначе связанным или прямо апеллирующим к

принципам суверенитета – Б. де Жувенеля, Ж.Маритена, К.Шмитта, Э.Х.Карра, Ф.Хайека, Х.Моргентау, Дж.Роулза, К.Скиннера, С.Файнера, К.Уолтца и многих других.

Вторая половина XX и начало XXI века, прошедшие под знаком бурных политических дискуссий, породили значительное количество работ по проблематике суверенитета, в числе которых следует особо отметить труды К.Уолтца, М.Уолцера, Д.Филпотта, С.Краснера, Р.Джексона, М. ван Крефельда, Р.Кохейна, Дж.Баргельсона, Ж.Элштайна, А.Вендта, Дж.Рагги, М.Финнемора, Б.Бузана, О.Вэвера, А.Линклейтера, Ф.Тесона, Дж.Голдсмита, Дж.Рабкина, А.Этциони, Э.Познера, Дж.Айкенберри, Д.Аркебуджи и некоторых других.

Особого внимания в диссертации удостоены исследования тех авторов, которые непосредственно обращаются к проблеме ограничения суверенитета; при этом мы разделяем весь массив имеющейся литературы, посвященной данной тематике, на три части.

К первой группе относятся книги и статьи специалистов в области конфликтологии, а также исследователей, специализирующихся на изучении гуманитарных аспектов современных конфликтов и других угроз региональной и глобальной безопасности. В данном контексте безусловную значимость имеют работы М.Игнатъеффа, С.Честермана, М.Уолцера, С.Хофмана, Дж.Хольцфреге, Г.Эванса, С.Пауэр, Д.Кеннеди, Д.Риеффа, Ф.Терри, Т.Вайса, У.Шоукросса, Н.Вилера и ряда других, которые на конкретных примерах проследили изменение международных подходов к урегулированию конфликтов, а также изучили гуманитарные и смежные с ними (правовые, социальные) аспекты ограничения суверенитета, осуществляемого в контексте борьбы с угрозами международному миру и предотвращения геноцида и этнических чисток;

Ко второй группе относятся труды практиков (Р.Куденхова-Калерги, А.Бриана, Ж.Моннэ, А.Спинелли, Ж.Делора, К.Паттена) и теоретиков европейской интеграции – таких как Ф.Снайдер, У.Уоллас, Дж.Вейлер, А.Винер, Ч.Грант, Ф.Кэмерон, Д.Динан, М.Йованович, Г.Морган, М.Леонард, А.Стубб, К.Престон, Б.Розамонд, К.Хилл и многие другие.

К третьей группе мы относим исследования, посвященные новым вызовам и угрозам, с которыми сегодня сталкивается западный мир – прежде всего проблемам терроризма и распространения оружия массового поражения, а также другим аспектам

международной безопасности. Особого внимания в этой категории заслуживают труды А.Этциони, Ф.Боббита, Р.Перла, Ф.Фукуямы, Э.Хобсбаума, Б.Льюнса, У.Р.Мида, Б.Барбера, Г.Эллисона, М.Шойера, П.Бермана, Л.Наполеони, Б.Нетаньяху, Р.Ротберга, С.Тэлбота и многих других авторов.

Несколько особняком стоят работы, авторы которых затрагивают проблематику суверенитета и его ограничения в контексте выработки новой парадигмы глобального лидерства и моделей поведения великих держав в современной мире; к таким мы относим оригинальные и провоцирующие мысль работы М.Мандельбаума, Ф.Фукуямы, Н.Фергюсона, Дж.Ная-мл., Дж.Рифкина, У.Бека и некоторых других.

Следует заметить, что ввиду определенного консерватизма, доминирующего в российской политической теории, концепция ограниченного суверенитета в нашей стране практически не разрабатывалась, а круг литературы по данной теме выглядит ограниченным. Однако несомненный интерес представляют собой работы А.Кокошина, С.Караганова, А.Богатурова, В.Илюмцева, а также ведущих отечественных специалистов по проблемам европейской интеграции – Н.Шмелева, Ю.Борко, Н.Кавешникова, М. Стрежневой, С.Кашкина, П.Калининченко, М.Энтина, Н.Арбатовой, И.Бусыгиной, В.Барановского, О.Потемкиной, В.Шемятенкова, и ряда других.

Источниковая база исследования состоит из массива международных документов, подразделяющихся на несколько типов. Многосторонние договоры и конвенции, заключенные в рамках глобальных и региональных организаций (ООН, Организация Африканского единства, Экономического Сообщества Западно-Африканских государств, Совета Европы, Всемирной торговой организации, Международных трибуналов по бывшей Югославии, Руанде и Сьерра-Леоне, Международного уголовного суда) образуют первый и наиболее важный для анализа нормативной базы ограниченного суверенитета пласт документов. Другие документы ООН: резолюции Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН, общие и тематические доклады Генеральных секретарей, специальных комиссий и групп служат важным источником информации как для анализа отдельных случаев ограничения суверенитета, так и для выявления общих тенденций в подходах к проблематике суверенитета. Дополнительными источниками информации служат внешнеполитические документы отдельных государств (концепции и стратегии внешней политики), исследования неправительственных организаций и научных

центров («Хьюман Райтс Уотч», «Международная Амнистия», Стокгольмский международный институт исследования проблем мира – СИПРИ), выступления и заявления официальных лиц.

Особое место отводится документам Европейского Союза. В частности, исследование опирается на сопоставление основополагающих договоров ЕС, включая проект конституционного договора; также анализируются материалы межправительственных конференций, доклады специализированных групп по изучению реформы европейских институтов. Решения и мнения Суда ЕС предоставляют ценный материал для изучения правовых аспектов ограничения суверенитета. Немаловажным дополнением к нему выступают решения национальных судебных органов, к примеру Федерального Конституционного Суда ФРГ.

Научная новизна полученных результатов

Целостной и разработанной теории ограниченного суверенитета до сих пор не создано. Потребность в достоверном обобщении и теоретическом осмыслении результатов отдельных разрозненных исследований вопроса ограничения суверенитета обусловлена нуждами прикладной политики. Следует признать справедливыми слова С.Краснера, констатирующего, что «разнообразные меры давления на правителей привели к разрушению связи между нормами суверенитета и автономности и реальной практикой; слова и дела далеки друг от друга»²⁵. Данная работа является одной из попыток преодолеть этот разрыв.

Проведенное в диссертации комплексное научное исследование процесса эволюции суверенитета и тенденций, наметившихся в последние десятилетия в мировой политике, позволяет сформулировать целостную концепцию ограниченного суверенитета как естественной политической формы, возникающей в условиях прогрессирующей экономической и социальной глобализации на фоне универсализации доктрины базовых прав и свобод человека. Утверждается, что прослеживаемые в диссертации два направления «десуверенизации»: добровольный отказ от суверенных прав и внешнеполитические действия как реакция на недееспособность государства и/или превращения его в инструмент геноцида или массового насилия в отношении своего населения или его части, выступают

²⁵ Krasner, Stephen G. *Sovereignty: Organized Hypocrisy*, Princeton: Princeton University Press, 1999, p. 8.

неотъемлемыми чертами эпохи глобализации и вряд ли могут быть купированы в мире XXI века.

Под давлением государств, озабоченных соблюдением гуманитарного права в ходе внутригосударственных конфликтов, на международной арене разворачиваются серьезные споры вокруг смыслового наполнения той самой международной нормы, которая подразумевается в качестве «общего аршина» для всех законопослушных и добропорядочных государств. Пока такие дискуссии сосредоточены преимущественно в академической среде, но международные институты и объединения демонстрируют повышенный к ним интерес. Более того, ряд государств, в том числе и такие великие державы как Соединенные Штаты и Китай, продолжают отстаивать наиболее традиционное понимание суверенитета вплоть до утверждения приоритета их национального законодательства над международными правовыми нормами. Однако когда критическая масса сомнений в отношении целесообразности невмешательства в дела государств, подавляющих собственных граждан, использующих грубые методы борьбы, не способных удерживать конфликты от разрастания, будет накоплена, вопросы об условиях признания суверенитета и поиске нового баланса прав и обязанностей суверенных государств обретут политическую актуальность. Россия, декларируя на словах приверженность классическим принципам международного сотрудничества, устранилась от участия в дебатах, не желая своей вовлеченностью в них легитимизировать процесс ревизии международных норм. Показательно, что за полтора года подготовки доклада «Новые вызовы и перемены» «группа мудрецов» ООН ни разу не собиралась в России. В то же время можно констатировать, что тенденция к гуманизации международных отношений будет лишь нарастать – и для России с ее демографическими и экономическими проблемами и отставанием в военной сфере она может быть выгодна, так как погрузит ее потенциальных геополитических соперников в процесс трудоемких политических преобразований. Проведенный в работе анализ позволяет обобщить широкий массив данных, касающихся ограничения суверенитета, и сформулировать выводы, имеющие значение для модернизации и актуализации внешнеполитического курса Российской Федерации.

Теоретическая и практическая значимость диссертации

Впервые в отечественной литературе диссертантом проведено комплексное исследование эволюции форм государственного суверенитета в условиях глобализации

и универсализации доктрины прав человека, дано определение понятия «ограниченный суверенитет», выделены его основные формы. Выявлены и систематизированы различия добровольного и принудительного ограничения суверенитета, на примере ряда стран изучена практика принудительного ограничения суверенитета. Выводы работы могут быть положены в основу дальнейших междисциплинарных исследований проблемы ограниченного суверенитета в частности и эволюции форм суверенитета в целом. Практическая значимость работы обуславливается наличием в ней четких рекомендаций относительно направлений и форм совершенствования международного права с целью обеспечения глобальной безопасности и во имя предотвращения масштабных нарушений прав человека.

Апробация работы

Материалы диссертационного исследования нашли отражение в ряде публикаций автора в отечественной и зарубежной прессе (1 монография, 15 статей в научных изданиях и более 30-ти в периодической печати общим объемом 26,8 п.л. – в том числе непосредственно диссертантом написаны 17,5 п.л.), а также на внутрисероссийских и международных симпозиумах и конференциях (среди которых можно выделить выступление на Секции международного права II Мирового политического форума в Ярославле в сентябре 2010 г.).

II. Основное содержание работы

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

Во введении обосновывается актуальность избранной соискателем темы, оценивается степень ее разработанности в зарубежной и отечественной научной литературе, излагается методология исследования, описывается новизна полученных результатов, кратко излагаются выносимые на защиту теоретические положения и практические рекомендации, воспроизводится структура работы.

В первой главе предпринимается попытка теоретической разработки понятия ограниченного суверенитета, включающая выяснение его научных границ и выработку его исчерпывающего определения. С этой целью, во-первых, анализируются существующие сегодня в научной литературе основные взгляды и подходы к понятию

ограниченного суверенитета; во-вторых, выделяются и упорядочиваются факторы, ограничивающие суверенитет; в-третьих, описываются различные формы ограниченного суверенитета и составляется их рабочая классификация. В заключение первой главы формулируется определение понятия ограниченного суверенитета.

Во второй главе предпринимается попытка использовать понятие ограниченного суверенитета в качестве инструмента анализа новых явлений мировой политики. С этой целью встречающиеся на практике формы ограниченного суверенитета описываются и исследуются в соответствии с классификацией, предложенной в первой главе. Основным объектом анализа во второй главе служат интеграционные процессы в Европейском Союзе, ведущие к размыванию традиционного, классического суверенитета в ходе его добровольного ограничения по взаимному согласию стран-членов, а также практика принудительного ограничения суверенитета в результате многосторонних (то есть одобренных международным сообществом) или односторонних (то есть предпринимаемых в обход международного права) действий отдельных стран или групп и коалиций государств.

В третьей главе основное внимание уделяется принудительному ограничению суверенитета вследствие несовместимых с нормами гуманитарного права действий национальных правительств. Анализируются прямые способы ограничения суверенитета, рассматриваются критерии легитимности подобных действий, оцениваются общие черты и особенности гуманитарных интервенций, исследуются причины их успехов и неудач. Предпринимается попытка определить эффективность ограничения суверенитета при решении актуальных международных проблем, оценить степень разработанности нормативно-правовой базы для ограничения суверенитета, а также выявить факторы, препятствующие инкорпорированию принципов и методов ограничения суверенитета в международное право.

В заключении формулируются выводы о кризисе модели традиционного суверенитета в XXI веке, о настоятельной необходимости реформулирования многих норм международного права с учетом практики ограничения суверенитета и накопленного опыта действий в данном направлении, а также формулируются рекомендации в части кодификации норм ограниченного суверенитета, ужесточения требований к суверенным государствам и максимального использования опыта и потенциала региональных интеграционных объединений в деле обеспечения прав человека и предотвращения гуманитарных катастроф.

Также в заключении изложены **основные положения, выносимые на защиту.**

1. Кризис классического суверенитета проявляется в постепенном стирании границы между внешним и внутренним суверенитетами, характерной для большинства теорий и для практики суверенитета вплоть до конца XX столетия. В современных условиях власти суверенных государств не могут с той уверенностью, с какой делали это раньше, выстраивать внутреннюю политику по своему усмотрению – с одной стороны, ввиду ограничений, накладываемых наднациональными региональными органами, которым делегирована часть полномочий национальных правительств (Европейский Союз, ВТО, МУС), с другой стороны, под угрозой вмешательства отдельных стран, региональных объединений или международного сообщества в их дела ради восстановления порядка и обеспечения безопасности граждан и соблюдения их прав;
2. Расхождение между основополагающими принципами международных отношений, закрепленных в доктрине суверенитета, и практикой его ограничения представляет самостоятельную серьезную угрозу жизнеспособности и легитимности существующего миропорядка, поскольку в отсутствие четких критериев и стандартов поведения на международной арене ни одно государство ни политически, ни юридически не защищено от возможного вмешательства в его внутренние дела. Гуманитарные интервенции 1990-х годов высветили острую необходимость в установление новой жесткой зависимости между правом государства на невмешательство в его внутренние дела, то есть иммунитетом от ограничения суверенитета, и соблюдением им стандартов и норм международного гуманитарного права;
3. Ограничение суверенитета – и добровольное и принудительное – стало методом решения широкого круга проблем безопасности. Региональная интеграция, начало которой было положено созданием Европейского Сообщества, доказала свою эффективность в поддержании долговременного мира, обеспечении устойчивого экономического развития и стабилизации внутриполитической ситуации в государствах-участниках. За два десятилетия, прошедших после распада биполярной системы, региональная интеграция из обособленного феномена превратилась в устойчивую, хотя пока и не всеобъемлющую, геополитическую тенденцию. Государства,

недооценивающие значение этой тенденции и не способные присоединиться к существующим региональным интеграционным объединениям или стать центрами новых, рискуют в будущем оказаться на обочине общемирового прогресса;

4. Анализ опыта добровольного ограничения суверенитета в рамках европейской интеграции демонстрирует, что эффективность этого процесса находится в зависимости от устойчивости и автономности правового режима, обслуживающего нужды региональной интеграции. Правовой метод ограничения суверенитета, введенный «архитекторами» европейской интеграции и воплотившийся в создании вертикально интегрированного правового режима, получает все более широкое распространение в мировой политике при создании новых международных институтов, ориентированных на более строгое применение международных норм – Всемирной торговой организации, Международного Уголовного Суда.
5. Новейшая практика ограничения суверенитета отражает формирующиеся в постбиполярный период нормативные требования к использованию суверенитета, отражающие «гуманитаризацию» международной политики.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

Научные статьи, опубликованные в журналах, рекомендованных перечнем ВАК:

1. Иноземцев В.Л. и Кузнецова Е.С. Глобальный конфликт XXI века (размышления об истоках и перспективах межцивилизационных противоречий) // ПОЛИС. Политические исследования, 2001, № 5, сс. 131 – 139 [0,8 п.л.]
2. Иноземцев В.Л. и Кузнецова Е.С. Возвращение Европы. Статья третья. Объединенная Европа на пути к лидерству в мировой политике // Мировая экономика и международные отношения, 2002, № 4, сс. 3 – 14 [1,1 п.л.]
3. Иноземцев В.Л. и Кузнецова Е.С. Возвращение Европы. Статья четвертая. В поисках идентичности: европейская социокультурная парадигма // Мировая экономика и международные отношения, 2002, № 6, сс. 3 – 14 [1,1 п.л.]
3. Кузнецова Е.С. Западные концепции государственного суверенитета // Международные процессы, т. 4, №2(11), май-август 2006, сс. 48 – 56 [0,8 п.л.]
4. Кузнецова Е.С. Суверенитет в обмен на мечту // Свободная мысль, 2007, № 3, сс. 46 – 57 [1,0 п.л.]

Научные статьи в других изданиях:

5. Кузнецова Е.С. Суверенитет. Незыблемый и неделимый? // Международная жизнь, 2004, № 7-8, сс. 150 – 167 [1,2 п.л.]
6. Кузнецова Е.С. Ближнее зарубежье: все дальше от России // Россия в глобальной политике, 2004, т. 2, № 5, сентябрь-октябрь, сс. 136 – 149 [0,9 п.л.]
7. Кузнецова Е.С. Атлантическое примирение // Международная жизнь, 2005, № 3-4, сс. 42 – 50 [0,7 п.л.]
8. Кузнецова Е.С. ООН перед угрозой краха. И в поиске превентивных реформ // Политический класс, 2005, № 4, сс. 57 – 63 [0,7 п.л.]
9. Кузнецова Е.С. 'Дорожные карты' приведут Россию в Европу? // Международная жизнь, 2005, № 6, сс. 102 – 108 [0,6 п.л.]
10. Kusnezowa E. Krieg in Georgien: Folgen für Russland und die EU // WeltTrends [Berlin, Deutschland], N 64, Januar/Februar 2009, SS. 61 – 71 [0,9 п.л.]
11. Кузнецова Е.С. "Демократия в эру ограниченного суверенитета" в: Иноземцев В.Л. (ред) *Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века*, М.: Европа, 2010, сс. 281 – 296 [1,1 п.л.]

Автореферат опубликован на сайте <http://www.ieras.ru>

Подписано в печать 15.02.2011 Формат 60x84/16
Гарнитура “Таймс”. Печать цифровая.
Тираж 100 экз.
ЗАО “Хорошая Типография”
Москва, Большой Златоустинский переулок, д. 3/5